
П.Е. Фокин

Арион железного века

В советское время Некрасову повезло больше, чем любому другому представителю русской классической литературы XIX века. В отличие от «чуждого» Достоевского, «сомнительного» Толстого, аристократа Тургенева Некрасов казался большевикам «своим», ну, может, чуть-чуть поплоче Герцена и Чернышевского — не звал Русь к топору. Его стихи любили цитировать вожди советского государства. Его произведения были включены в программы по литературе для всех классов, его сборники и собрания сочинений переиздавались многотысячными тиражами: о первом советском полном издании стихотворений и поэм Некрасова, подготовленном К. Чуковским, одобрительно отозвался сам Ленин!

Но такая «официальная» любовь имела и обратную сторону. В какой-то момент Некрасов перестал восприниматься читателями как живой и искренний поэт. Отлитый в бронзу монументов и апологетических статей школьных учебников, он стал чуть ли не пугалом и образцом антипоэзии. Сколько раз приходилось слышать от людей разных возрастов категорическое и даже порой презрительное: «Я Некрасова не люблю». И почти всегда это означало: «Я Некрасова не читал», потому что только тот, кто не читал Некрасова и судит о нем по своим скудным и убогим школьным впечатлениям, может быть столь «непримиримым».

Ведь тот же «чуждый» Достоевский писал:

«28-го утром я узнал, что умер Некрасов. В тот же день я поехал к нему. Страшно изможденное страданием и искаженное лицо его как-то особенно поражало... Воротясь домой, я не мог уже сесть за работу; взял все три тома Некрасова и стал читать с первой страницы. Я просидел всю ночь до шести часов утра... В эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет занимал места в моей жизни!»

Человек совсем другой эпохи и иных эстетических ориентаций, Николай Гумилев в анкете, составленной в 1921 году Чуковским, на вопрос «Любите ли Вы стихотворения Некрасова?» отвечал лаконично: «Да. Очень». Вообще та анкета обнаружила удивительный факт: почти все поэты Серебряного века — от Мережковского до Маяковского — так или иначе восприняли традиции Некрасова, безоговорочно признали его крупнейшей фигурой русской поэзии.

Парадоксально: будучи в XX веке одним из самых издаваемых, Некрасов для массового читателя оставался почти неизвестным. «Поэт и гражданин», «печальник горя народного» — эти определения, как клички, приклеились к Некрасову и свели восприятие его творчества только к одной теме. А ведь Некрасов — поэт широчайшего лирического диапазона. Его перу принадлежат проникновенные слова любовных признаний, замечательные послания друзьям, тонкие пейзажные зарисовки, поражающие психологизмом сцены городской и деревенской жизни, исполненные юмора и христианской любви «стихи русским детям», едкие сатиры и эпиграммы, искрометные водевили. А еще Некрасов — автор нескольких повестей и романов, прекрасно владеющий сюжетом и характерами повествователя, и проницательный литературный критик (именно Некрасов «открыл» Достоевского и Тютчева), и страстный публицист.

И, конечно же, Гражданин. Осуждать или обвинять Некрасова за гражданскую лирику бессмысленно и безнравственно. Некрасов, действительно, в своей гражданской лирике достиг таких высот, которые покорялись только единицам. В этом смысле в XX веке равновеликой ему оказалась лишь Анна Ахматова. «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был» — эти знаменитые строки ахматовского

«Реквиема» непосредственно восходят к не менее знаменитому некрасовскому: «Я лиру посвятил народу своему». Скорбный голос Ахматовой как бы снимает шелуху революционной идеологии со слова «народ» в поэзии Некрасова и возвращает ему первоначальный трагический и высокий смысл. «Где народ, там и стон...» Нельзя жить в России и быть равнодушным к судьбе России, потому что нельзя быть равнодушным к своей собственной судьбе. А это и есть *гражданское чувство*, и, возможно, в России — это самое сильное чувство. Сильнее страха, сильнее славы, сильнее любви. Чувство, все эти и многие другие эмоции и страсти сложно в себе объединяющее и переплетающее. Некрасову первому дано было *гениально* выразить его в русском стихе.

К сожалению, на агитпроповской иконе одного из апостолов «разночинского периода русского освободительного движения» исчез образ живого, реального человека (участь, заметим в скобках, постигшая в советское время не одного Некрасова, но и Пушкина, и Лермонтова, и Гоголя, не говоря уже о XX веке — Блоке, Маяковском, Есенине). Но если снять с этой красной иконы оклад идеологии, то мы увидим портрет сложной и противоречивой личности, натуры страстной и увлекающейся, подвластной как шепоту и диалектике темных демонов, так и песням горних ангелов.

Таким Некрасова сделала жизнь. Промаявшись в молодости восемь лет в нищете, на грани голодной смерти, мыкаясь по углам петербургских трущоб, он, вырвавшись из тисков бедности, преодолев ее неустанным трудом и упорством, вынес в свою последующую жизнь умение «делать деньги» и быть чутким к нуждам других. У него был явный финансовый талант. Листы его рукописей испещрены бесчисленными столбцами цифр, точно набросками какой-то грандиозной бухгалтерской приходно-расходной поэмы. «Но денег я никогда не любил», — писал в автобиографии.

Когда позволили обстоятельства, он стал вести широкую жизнь: поселился в просторной квартире в центре Петербурга, по соседству с «владельцем роскошных палат», завел выезд, модно и дорого одевался, купил два имения (без крестьян), куда в сезон охоты ежегодно отправлялся пострелять дичь (хаживал в одиночку на медведя!). Был членом Английского клуба. Но при этом все время работал. Был неустанным редактором одного из ведущих литературных журналов своего времени, делал массу черновой работы: прочитывал тонны рукописей, воевал с цензурным комитетом, добывал средства на издание.

Великим даром сочувствия и отзывчивости, даром сопереживания и любви был наделен этот человек. Таким он был с друзьями и любимыми женщинами, с сотрудниками и бесчисленными знакомыми, с сестрами и братьями, с деревенскими приятелями и их семьями. А сколько людей в буквальном смысле слова кормилось вокруг Некрасова. Скольким литераторам он фактически спас жизнь своевременными авансами и гонорарами. Некрасов был «практическим человеком» (по словам Белинского) и щедрым. Он обладал поистине русской широтой души.

И оставался Поэтом. Всегда. Везде. Приступы вдохновения накатывали волнами, неожиданно, и тогда все вокруг исчезало и становилось ненужным и второстепенным.

«Начинается волнение, скоро переходящее границы всякой умеренности, — и прежде чем успею овладеть мыслью, а тем паче хорошо выразить ее, катаюсь по дивану со спазмами в груди, пульс, виски, сердце бьют тревогу — и так пока не уgomонится сверлящая мысль».

«Более ста тысяч стихов (т.е. стихотворных строк), написанных мною в течение всей моей жизни, я мог бы прочитать наизусть», —

свидетельствовал поэт на пороге смерти. А прожил он всего 56 лет.

«Он был «властителем дум» поколения чрезвычайно деятельного, энергичного и *чистосердечного*. Не худшего из русских поколений», — писал о Некрасове Василий Розанов.

Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно.